

Крючкова Анна Диз

38/9

Анализ оформления печатного издания

книга «Жутко
громко &
запредельно
близко»

Жанр: роман

Плюсы

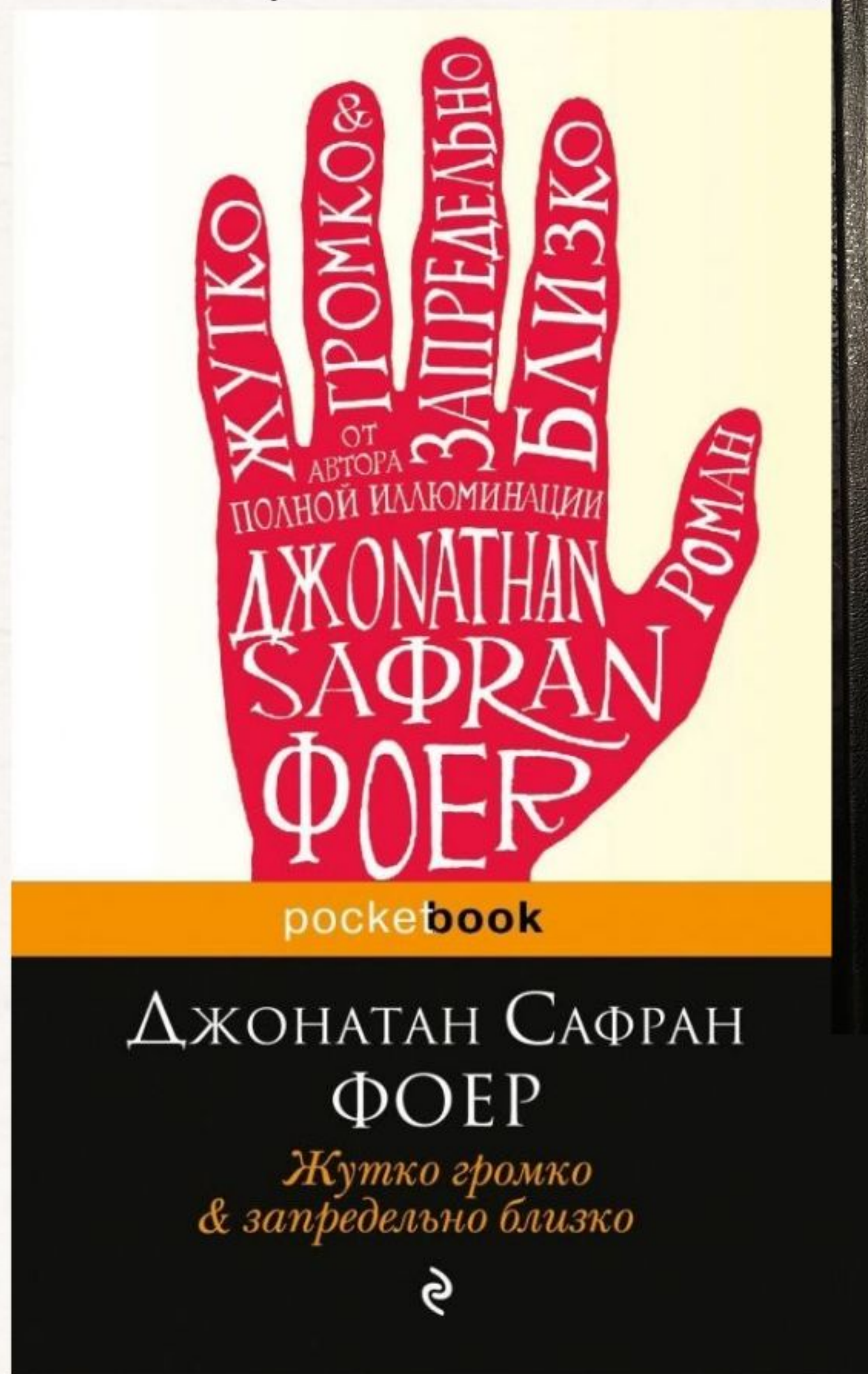
минималистичная, фактурная обложка, не отвлекает

множество иллюстраций, которые помогают проникнуться данной книгой

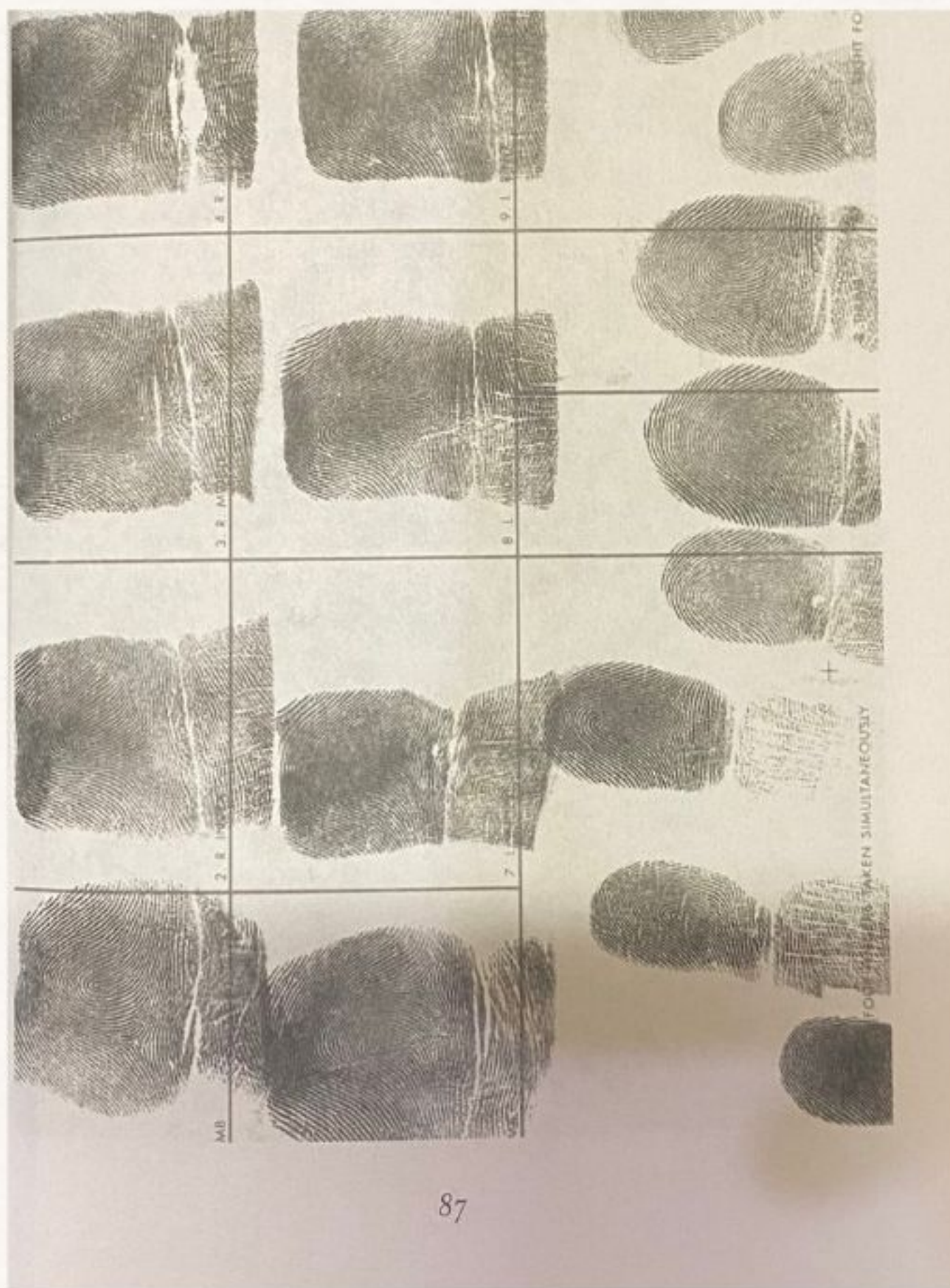

Интересное оформление текста

Джонатан Сафран Фоер

ЖУТКО ГРОМКО &
ЗАПРЕДЕЛЬНО БЛИЗКО

ПОЧЕМУ Я НЕ ТАМ, ГДЕ ТЫ 12/4/78

Моему сыну я пишу с того места, где стоял сарай отца твоей матери, сарай здесь больше нет, ни ковров на полу, ни окон в стенах, перемена декораций. Теперь это библиотека, твой дед был бы рад, как если бы книги, которые он зарывал, оказались семенами, посадил одну — взошла сотня. Я сижу в конце длинного стола, окруженный энциклопедиями, иногда снимаю их с полки и читаю о жизни других людей, о королях, актрисах, убийцах, судьях, антропологах, землянках по теннису, магнатах, политиках, если ты не получаешь от меня писем, не думай, что я их не пишу. Я пишу ежедневно. Иногда мне кажется, если бы я смог рассказать тебе обо всем, что случилось со мной в ту ночь, я бы, наконец, забыл о ней, может, даже вернулся, но у той ночи нет ни начала, ни конца, она настала, когда я еще не родился и продолжается до сих пор. Я пишу в Дрездене, я твоя мать пишет в Ничто гостевой спальни, так я думаю, так надеюсь, временами рука начинает гореть — убежден, что в этот момент мы с ней выводим одинаковое слово. Машинка, на которой твоя мать печатала историю своей жизни, у меня от Анны. Она дала ее мне за несколько недель до бомбежек, я поблагодарил, она сказала: «Не стоит. Это подарок мне». — «Тебе?» — «Ты никогда мне не пишешь». — «Но ведь мы вместе». — «Ну и что?» — «Пишут только в разлуке». — «Раз ты меня не лепишь, то хотя бы пиши». В этом трагедия любви.

Самое всего любишь в разлуке. Я сказал: «Ты никогда мне не пишешь». Она сказала: «Ты же не подарил мне печатную машинку». Я стал изобретать наши будущие дома, по ночам печатал, а утром отдавал ей. Я навобразовал десятки домов, одни были заоблачные (башня с остановившимися часами в городе, где застыло время), другие — земные (месчанское поместье за городом с розарием и павлинами), все казалось возможными, все было безупречно, не знаю, видела ли их твоя мать. «Дорогая Анна, мы поселимся в доме, который будет стоять на вершине самой длинной приставной лестницы в мире». «Дорогая Анна, мы поселимся в пещере на склоне холма в Турции». «Дорогая Анна, мы поселимся в доме без стен, чтобы всюду, куда бы мы ни пошли, был наш дом». Я изобретал дома не для того, чтобы их улучшить, а чтобы показать ей, что они неважны, мы могли жить в любом доме, в любом городе, в любой стране, в любом веке, и быть счастливы, как если бы весь мир был нашим домом. В ночь перед тем как все потерять, я напечатал на машинке наш последний будущий дом: «Дорогая Анна, мы поселимся в зернице домов, уютящихся по склонам альп и ни в одном не будем спать дважды. Проснувшись и позавтракав, мы будем на санках съезжать к следующему дому. И едва распахнем дверь, как наш вчерашний дом будет разрушен и водвинут заново. А от подножия нас опять вознесут к вершине, и все начнется сначала». Наутро я понес это ей, подложив к дому твоей матери, я услышал шум в сарае, из которого сейчас тебе пишу, и решил, что это Симон Голдберг. Я знал, что отец Анны его укрывает, случилось, до меня дохлосили их голоса, когда мы с Анной прокрадывались мимо сарая в поля, они всегда говорили шепотом, я видел его рубашку в кисине-угольных пятнах на их бельевой веревке. Я хотел остаться незамеченным, поэтому бесшумно вынул из стены одну книгу. Отец Анны, твой дед, сидел в своем кресле, закрыв лицо ладонями, я его боготворил. Сколько

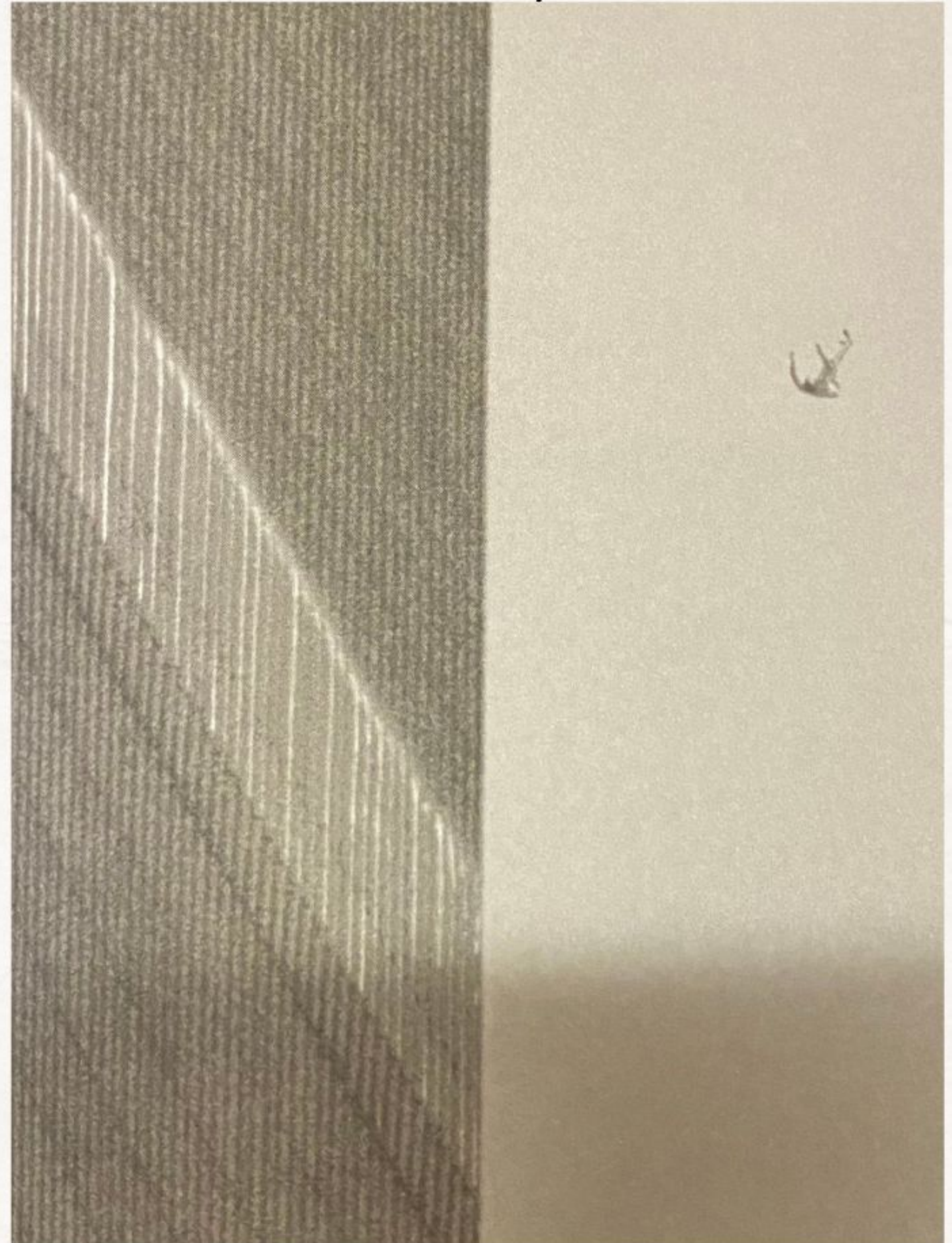
Плюсы

приятный цвет у страниц, не устают
глаза

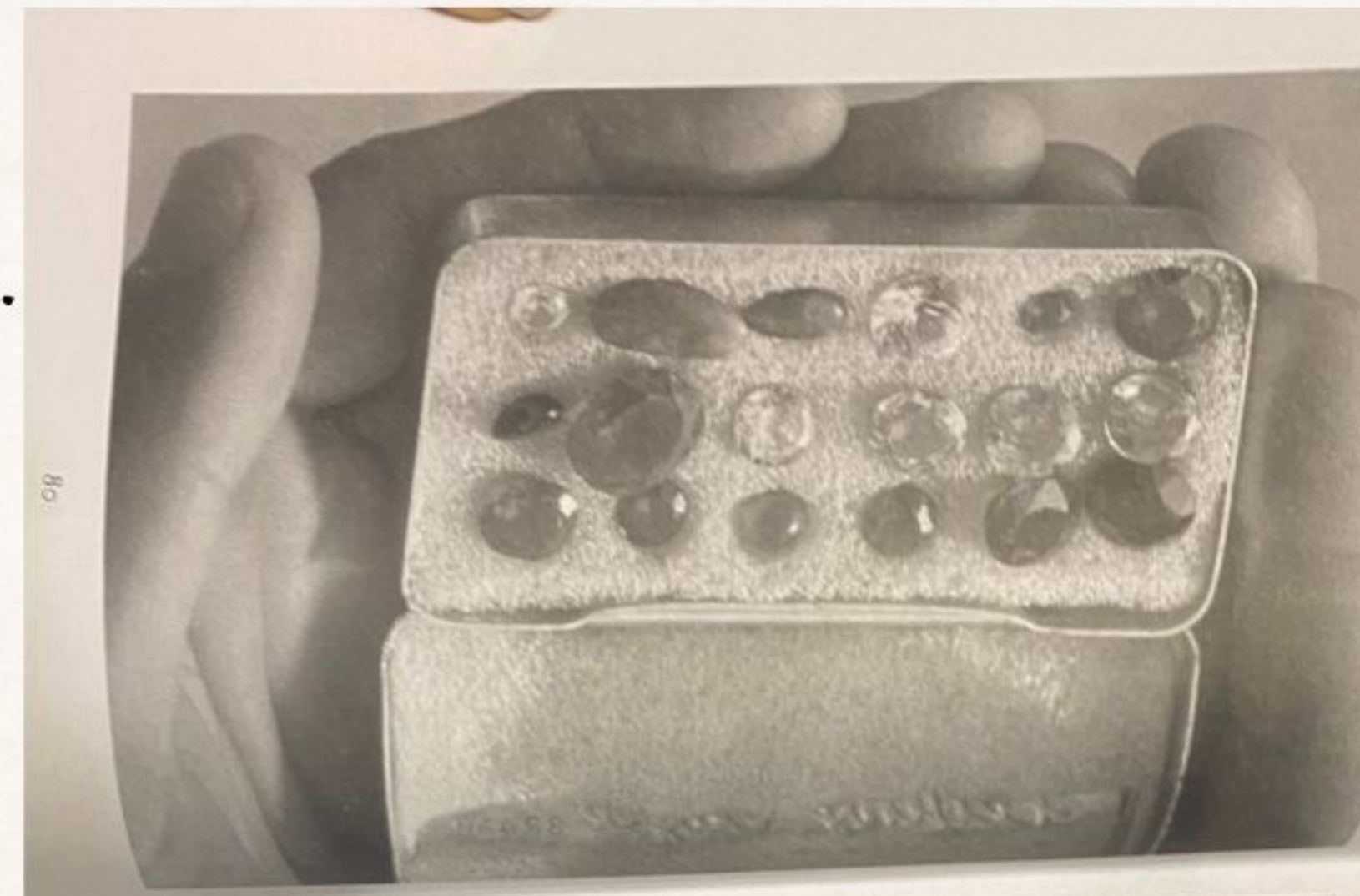
Отличное Качество бумаги, плотная

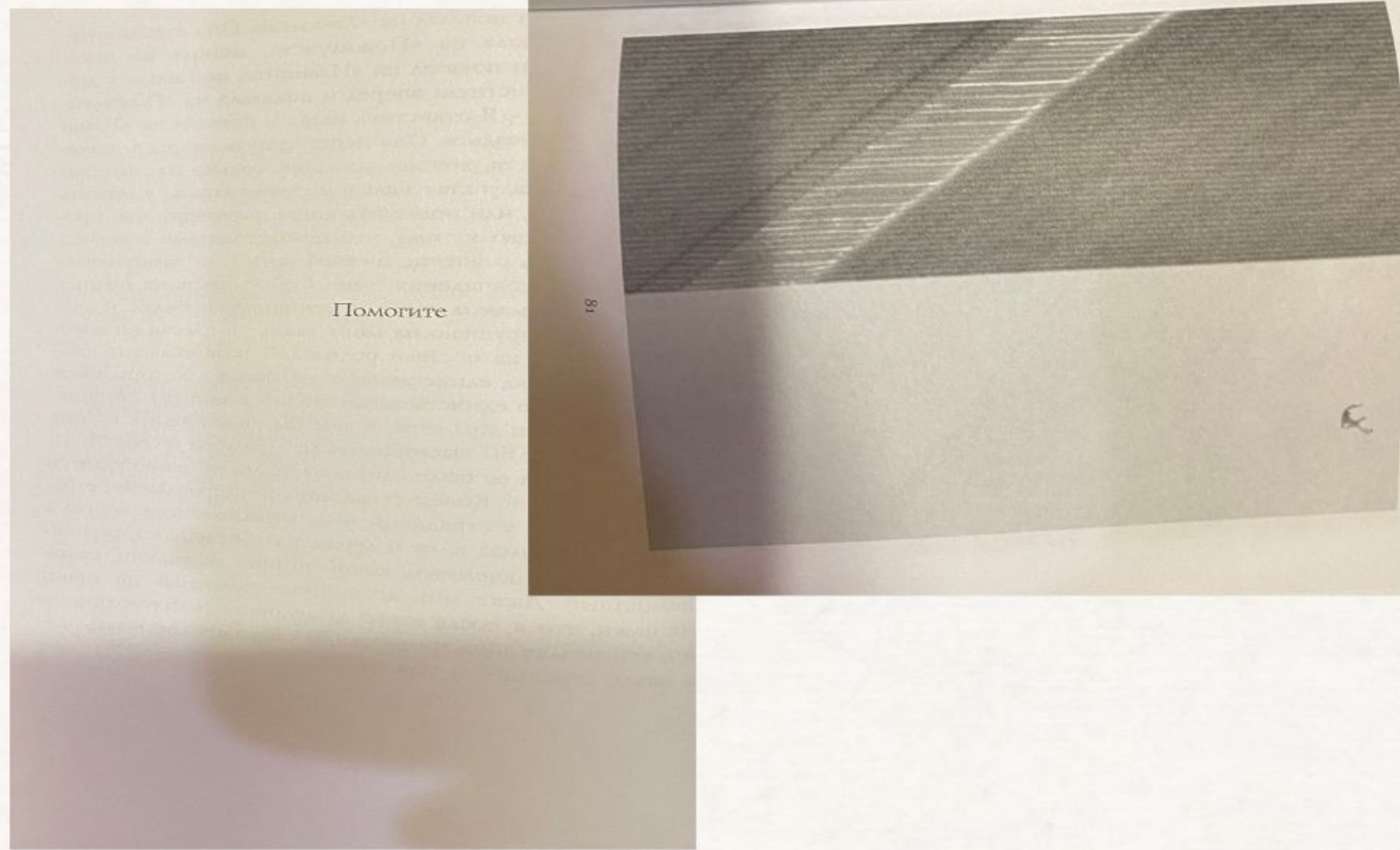
МИНУСЫ

У книги есть суперобложка,
которая постоянно съезжает

Несмотря на необычное оформление текста,
его очень трудно читать

Спасибо за внимание